

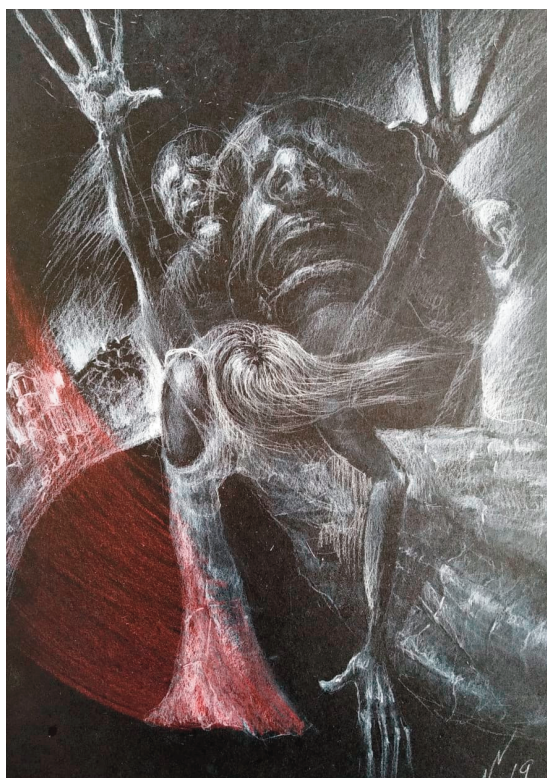
НЕ СТИРАЮТСЯ ИЗ ПАМЯТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЖЕРТВЫ СТРАШНОГО ГЕНОЦИДА В ХОДЖАЛЫ

ЕФИМ АБРАМОВ, ЛЕЙЛА БЕГИМ

ЧЕРНЫЕ ПОДСНЕЖНИКИ

Короткая повесть

*Ты видел, как подснежники цветут?
В ростках их выражение печали
земли, под снегом мерзнувшей ночами,
и белизна оттаявших минут...*

Согласно Human Rights Watch и журналистскому расследованию Тома де Вааля, Ходжалинская резня стала самым массовым кровопролитием в ходе конфликта вокруг Нагорного Гарабаха:

Изгнано с мест постоянного проживания 5379 человек.

613 человек, включая 63 ребёнка и 106 женщин, были убиты.

8 семей было уничтожено полностью.

1275 человек было взято в плен, либо в заложники.

Из пленных о судьбе 150 человек, в том числе 68 женщин и 26 детей, до сих пор ничего не известно.

По этому делу было опрошено более 3000 свидетелей и проведено более 800 экспертиз.

В результате была доказана вина 39 человек, в том числе 18 военнослужащих 366-го мотострелкового полка Министерства обороны СССР, 8 сотрудников органов внутренних дел СССР.

Эти лица объявлены в розыск...

Амстердам

Это было её второе посещение.

Войдя в кабинет, она на мгновение остановилась, почувствовав в воздухе некое напряжение, затем прошла к креслу и села. Она сняла темные очки, положила их на стоящий рядом столик, достала из сумочки узкую, аккуратно прошитую полоску материи, прикрыла ею глаза и расслабленно откинулась на спинку кресла.

– Вам так удобно? – услышала она голос врача.
Она едва заметно кивнула и спросила своим низким грудным голосом:
– У вас что-то случилось?
– Нет. С чего вы взяли?
Её лицо было обращено в его сторону.
– Вы рядом? – Он не ответил. Только посмотрел на неё, снял пиджак и повесил на спинку стула. – Ну, что вы стоите? Садитесь! – сказала она и позволила себе улыбнуться.
– Между прочим, это вы пришли ко мне, а не я к вам, – заметил он, взял с письменного стола блокнот и авторучку и добавил: – И здесь мой кабинет, а не ваш. Так что не распоряжайтесь.
– Я только предложила.
Он придвинул стул, сел напротив и стал откровенно её разглядывать.
– Не надо, – сказала она тихо.
– Что?
– Не надо меня так рассматривать. Я это чувствую.
– Извините.
Он поднялся, прошел к окну, оттуда еще раз посмотрел в её сторону, вернулся.
– У вас хороший вкус, доктор! Приятный запах духов...
– «Hugo boss»...
– Вы поссорились с женой? – спросила она.
– Вы задаете много вопросов, Натаван. Давайте начнем.
– Значит, поссорились...
– Почему вы так решили?! Откуда вам это известно? Может быть, я поругался с коллегой, или же кто-то ударил мою машину. Почему сразу жена? Мы с вами едва знакомы, а вы уже... Вы что-то сказали?
– Нет. Но сейчас скажу.
Натаван поправила на глазах полоску материи, опустила руки на подлокотники, вздохнула.
– Вы врач, психотерапевт, Патрик, – заметила Натаван. – И вы знаете не хуже меня, что в основе вещей – одна сплошная химия, верно?
– Извините, я был несдержан. И поверьте, я многого не знаю...
– Я тоже многого не знаю, – сказала Натаван. – Но я многое чувствую. Как чувствую ваше сердцебиение. Вы страшно поругались. Она плакала, а вы ушли. Но сегодня вечером вам предстоит головокружительное примирение...
Доктор невольно засмеялся.
– Вы странная женщина, Натаван. Она даже не станет со мной разговаривать.
– Может быть. Поэтому не пытайтесь подлизываться и заигрывать. Просто подойдите и искренне попросите прощения. Скажите, что были неправы.
– Вы думаете...
– Я уверена. У вас будет восхитительная романтическая ночь...
Доктор расхохотался. Натаван улыбнулась.
– Таблетка помогла, – сказала она. – Голова не болела. Но я не спала. Не смогла. Это не так легко...
– Согласен, – мягко заметил Патрик. – Мы и встретились, чтобы попытаться убрать эти тяжелые воспоминания. Это подобно перезагрузке.
– Вы думаете, Патрик, у вас это получится?
– Не у меня, Натаван, у нас, – сказал он. – Если вы не будете этого хотеть и не станете мне помогать, то у нас действительно ничего не получится. Я ведь для этого и пригласил вас...
– Да, да, – согласилась она, – понимаю.
– Старайтесь вспоминать светлое, – сказал Патрик, – хорошее.

– Хорошее, – улыбнулась Натаван. – Вспоминаю брата и его друга, Пярвиза. Именно в ту ночь он и нес меня несколько часов на руках, когда я была без сознания. Да. Вспоминаю больницу. Они оба постоянно были рядом. Пярвиз любил шутить. Рассказывал какие-то небылицы. Я помню, что у него были зеленые глаза. Он мне даже нравился.

– Где он сейчас? – поинтересовался Патрик.

Натаван пожала плечами.

– Позднее он учился в Институте иностранных языков, но после третьего курса куда-то исчез. Где он сейчас и что с ним, не знаю...

– Понятно, – сказал доктор.

– Но эти воспоминания сразу куда-то отступают, и надвигается совсем другое, понимаете? – Натаван глубоко вздохнула, взяла врача за руку, крепко сжала. – У меня не получается. И февраль за окном. И какое-то у меня предчувствие...

– Вы не должны нервничать, – мягко сказал Патрик.

– Я знаю, доктор, – проговорила Натаван. – Я не спала. Я только вздремнула на несколько минут, и сразу возник он. И сразу всё навалилось – и её крик, страшный и пронзительный, и его руки с ножом, и глаза, и этот мерзкий запах, запах человеческой крови и ненависти...

– Натаван! Пожалуйста, остановитесь, – настойчиво произнес Патрик.

– Как наяву, как будто сейчас, здесь, рядом, – она не слышала доктора и едва сдерживала слезы. – И мне опять не было больно. Мне совсем не было больно. Мне было только страшно. Они бежали с холма. Кричали и бежали, и на бегу толкнули Сураю на землю, сорвали с неё одежду и стали насиловать. А ей было только семнадцать, доктор, только семнадцать... Она просила не делать этого. Она кричала и просила о помощи. Она кричала и просила убить её. Она кричала, и никто в этом мире её не слышал. А они били её и насиловали, били и насиловали... А потом ей отрезали голову... Тело сбросили в канаву, где лежал грязный снег... Я не кричала. Я не могла кричать. Я только смотрела на них и молчала. А он подошел ко мне, этот, который убил, и ударил меня по лицу. Он долго бил меня, а потом ткнул сигаретой в глаз. В один, а потом во второй. Он что-то кричал, продолжал бить меня ногами, но я уже ничего не слышала. Я вообще ничего не слышала. Мне не было больно, мне было только страшно. Очень страшно! Они убивали всех и сбрасывали в болотистый ров. Стреляли, резали и сбрасывали... И никто их не остановил. Никто!..

Натаван тихо плакала...

***И перешли болото...вслед сожгли
Людей останки... и снимали кожу
С груди (всё на живую), с головы...
Как выдержало Небо это, Боже?!***

Ходжалы

Оставшиеся в живых семьи уходили последними. Уходили тихо, практически не переговариваясь и не оглядываясь на оставленные дома. Безлунная, черная, гнетущая ночь казалась бесконечной, и единственное, что напоминало о существовании жизни вокруг, – был тихий, словно настороженный шум протекающей недалеко реки.

Люди шли молча. Они хотели только одного – выбраться из города и поскорее уйти туда, где были свои, где можно было спокойно вздохнуть, согреть, наконец, детей, отогреть горячим чаем, куском хлеба и дать им возможность выспаться.

Сурая, которой едва исполнилось семнадцать, шла одной из первых. Её мысли были только об Ариффе, её женихе, с которым она была обручена в начале декабря.

Он был среди солдат. Среди тех, кто должен был прикрывать уход мирного населения из города. Она думала только о нём и видела перед собой только месиво дороги.

Она не знала, что нападение на маленький по численности отряд Арифа произошло полтора часа назад.

Она не знала, что потерявший человеческий облик командир взвода армянских убийц сначала выстрелил Арифу в грудь, затем нанес ему несколько ножевых ранений и размозжил сапогом голову...

Сурая просто не знала, что вот уже полтора часа обезображенный труп её жёныха с перебитыми и переломанными костями лежит на холме, где едва пробившиеся первые подснежники были уже черными от замерзшей на них крови...

...Люди продолжали идти, как вдруг прогремели выстрелы. Стылый ночной воздух прорезался и засветился разрывами трассирующих пуль. Десятилетняя Натаван от неожиданности замерла на месте, невольно наблюдая за этим смертельным полетом. Она не знала и не могла знать, что стрельба трассирующими и разрывными пулями была особой прихотью командира армянского взвода. Ему хотелось видеть, как пули точно находят цель, и как эта цель падает, дергаясь в предсмертных судорогах...

Отец Натаван закрыл своим телом жену, но автоматная очередь буквально разнесла его голову, брызнув фонтаном крови на лицо и на одежду женщины. Она истошно закричала, бросилась к Натавану, но, сделав несколько шагов, покачнувшись и рухнула навзничь.

Они стреляли в неё практически в упор...

Они бежали с холма и с ходу, на полном бегу, увидев молоденькую Сураю, схватили её, швырнули наземь и бросились срывать с неё одежду. Навалившись на девушку, они стали насиловать её, издавая какие-то нечеловеческие звуки.

Сурая кричала и просила не делать этого.

Она кричала и просила о помощи. Она кричала и просила убить её.

Она кричала, и никто в этом мире её не слышал.

В это время их командир увидел вдалеке два убегающих силуэта. Он вскинул автомат и нажал на крючок. Длинная очередь срезала силуэты мальчишек и отбросила их в ночь. Он не знал, что стрелял по двум четырнадцатилетним ребятам, один из которых был братом Натавану, а другой – соседом. Одна из пуль задела плечо Фикрета, брата Натавану, который, падая в яму, потянул за собой друга. Они притаились, решив дожидаться рассвета и попытаться добраться до своих.

Довольный собой, командир взвода осмотрелся – беспорядочно валялись повсюду трупы. Их было не менее двадцати. Охота удалась, промелькнуло в голове. Его позвали, он отмахнулся, приказав убить девушку. Её истошные крики только раздражали и вызывали новый приступ желания стрелять и убивать.

Сураю поставили на колени, обнаженную, юную, изуродованную и истерзанную. Кто-то еще раз ударил её прикладом в лицо. Девушка покачнувшись, но не упала – она только выругалась и неожиданно для всех засмеялась. Её смех заставил его оцепенеть. Набывчившись и гортанно взвыв, словно оскорбленный шакал, он растолкал солдат, шагнул к Сурае и, выхватив нож, вонзил его в горло девушке.

Отступив, он приказал отрезать ей голову, достал сигарету и закурил. И только в эту минуту он увидел девочку, которая не кричала и не плакала, не звала на помощь и ни о чем не просила. Она стояла одна среди всех этих трупов и смотрела на него. Худенькая, напуганная, онемевшая от всего увиденного, Натаван смотрела на него широко раскрытыми глазами. «Ты кто?» – спросил он по-азербайджански. Она услышала его, поняла вопрос, но ответить не смогла – у неё были скованы все мускулы, и она даже не могла двинуть пальцем.

Он подошел к ней и ударил её по лицу. Она упала. Он схватил ее за платок, повязанный на груди, поднял и ударил еще раз. У Натавану из носа и из разбитой губы

пошла кровь. Он повторил свой вопрос, она молчала. Он шумно затянулся сигаретой, схватил её за голову и ткнул ей в глаз сигаретой. Девочка застонала, но не вскрикнула. Тошнотворно запахло жженым человеческим мясом. Он сплюнул, ткнул девочке сигаретой и во второй глаз, оттолкнул её от себя и зашагал прочь.

Солдаты ушли. Ушли все. Никаких звуков вокруг не было. Только слышен был шум реки. И больше ничего. Никого.

Вокруг Натаван была тишина и вокруг Натаван была ночь. Она осталась одна...

... Опустив голову, девочка стояла так некоторое время, затем покачнулась и упала. Она впала в кому и пришла в себя только через семнадцать дней в одной из клиник республики...

Амстердам

В кабинет врача вошли двое – мужчина и женщина. Они поздоровались с Натаван и доктором и представились.

– Анна-Мари Вернер, – сказала женщина и добавила: – Я из Берлина, госпожа Гаргюлю, возглавляю одно из подразделений Всемирной организации по правам человека и представляю европейский комитет «Женщины всех континентов». Мой коллега из Лондона Нейл Шелдон.

Натаван пожала прохладную, чуть влажную руку женщины и спросила:

– Вы нервничаете, госпожа Вернер?

– Мне очень хотелось познакомиться с вами, – сказала Анна-Мари. – Несколько месяцев назад я случайно увидела на прилавке вашу книгу. Одним словом, ваши стихи мне понравились. Особенно вот эти:

**Чернее смерти –
Злоба мести.
Страшной возмездия –
Любовь.
Как уместить в иссохшем сердце
Два необъятных чувства вновь?**

– Спасибо, – кивнула Натаван и сдержанно улыбнулась.

– Скажите, – вмешался Шелдон. – Это ваша настоящая фамилия?

Натаван повернулась на голос и улыбнулась.

– Господин Шелдон, неужели вы прилетели из Лондона, а госпожа Вернер из Берлина только для того, чтобы поинтересоваться моей настоящей фамилией? Не сомневаюсь, что вы давно ознакомились с моей биографией.

– Мы спрашиваем о вашем псевдониме. Первые ваши стихи подписаны вашей настоящей фамилией – Гаджиева.

– Да, вы правы. Но сборник стихов я подписала псевдонимом. К чему эти вопросы, господин Шелдон?

– Господа! – вмешался доктор. – Моей пациентке нельзя нервничать. Мне придется просить вас...

– Не беспокойтесь, господин де Вард, – прервал доктора Шелдон. – Лишних вопросов не будет.

Анна-Мари обернулась к Патрику и мягко произнесла:

– Госпоже Гаджиевой незачем нервничать, поверьте. Ей просто следует знать, почему мы интересуемся её фамилией и псевдонимом...

– Я не нервничаю, госпожа Вернер, – сказала Натаван. – Говорите как есть. Вы и ваш коллега никакую организацию по правам человека не представляете. И давай-те начистоту. Так будет проще разговаривать.

– Начистоту, так начистоту, – согласилась Анна-Мари. – Я представляю Европейскую комиссию по расследованию Ходжалинской трагедии. С определенного времени наша комиссия тесно сотрудничает с Интерполом. Господин Шелдон мой помощник.

– Кто возглавляет эту комиссию?

– Я, – ответила Анна-Мари. – Уже четвертый месяц. Бывший глава комиссии самоустраился.

– Вы немка, – сказала Натаван и спросила: – Зачем вам это надо?

– Я не немка, – возразила Анна-Мари. – Но это не имеет значения. Просто у меня есть свои принципы и убеждения.

– Какие, если не секрет?

– Я убеждена, что такие преступления не должны иметь срока давности... И давайте по делу. У вас есть брат?

– Есть.

– Как вы оказались в Амстердаме?

– Меня пригласил доктор де Вард. Мой случай показался ему любопытным.

– Да, это так, – вмешался доктор. – Случай, может, и не редкий, но тяжелый и требует длительного лечения. Сны и воспоминания, воспоминания и сны – они взаимосвязаны, и так как продолжаются...

– Ваш брат приезжал к вам в Латвию? – перебил Шелдон.

– Да.

– Когда?

– Несколько лет назад.

– У вас есть его фотография?

– Нет, – ответила Натаван. – В этом нет необходимости.

– Извините, – вмешалась в разговор Анна-Мари. – Ваш псевдоним переводится как подснежник...

– Да. Это мой любимый цветок.

– Не только ваш, – сказал Шелдон.

Он достал из папки записку и прочитал:

***– Погибшим все равно, о чем мы спорим,
(и городу разрушенному!)
Горе не может стать светлее никогда...***

Это ведь ваши стихи?

– Мои.

– Эту записку обнаружили в кармане забытого в гостиничном номере пиджака вашего брата в Испании, – объяснил Шелдон и спросил: – Вам не кажется это странным?

– Мой брат знаком с моим творчеством и любит мои стихи, – улыбнулась Натаван. – Что в этом странного?

– Эти слова с двойным дном, – сказал Шелдон, внимательно глядя на Натаван.

– Не смешите меня, господин Шелдон, – сказала Натаван. – Никакого двойного дна там нет.

– Госпожа Гаджиева, – чуть более резко произнес Шелдон. – Это не просто слова. Эти строки что-то означают. Он провожал вас сюда?

– Повторяю, я не общалась со своим братом несколько лет.

– Вы не ответили на мой вопрос. Он провожал вас?

– Я сказала вам, что не виделась с братом несколько лет. И он меня не провожал. Я не понимаю, чего вы хотите.

– Вы прекрасно все понимаете. Понимаете, знаете и пытаетесь от нас скрыть, – настойчиво продолжал Шелдон.

– Одну минуточку, Нейл, – попыталась вмешаться Вернер.

– Извините, Анна-Мари, – перебил его Шелдон. – Но я все же скажу госпоже Гаджиевой. Ваш брат вот уже несколько лет печатает во всевозможных изданиях списки людей с требованием арестовать их и привлечь к суду. В своих статьях он называет их убийцами и палачами, что недопустимо. Чаще всего упоминается фамилия человека, который был участником боевых действий на гарабахской войне...

– Он не человек! – твердо произнесла Натаван и поднялась. Голос её, жесткий и властный, заставил Шелдона замолчать. – Он и те, которыми он командовал, насильовали семнадцатилетнюю девушку, а потом отрезали ей голову. Этот, как вы сказали, участник боевых действий и его подручные расстреливали безоружных людей, убивали детей, стариков и женщин. Они в упор расстреляли моих родителей и ещё двадцать человек. Они убивали только потому, что им так нравилось, потому что они ненавидели нас и были уверены в своей безнаказанности. И он, который считает себя героем, мог ослепить меня только потому, что я смотрела ему в глаза и не плакала. Он бил меня по лицу и ждал, что я буду кричать... Что я буду молить... А мне... Мне не было больно. Мне было страшно. Страшно, понимаете... Страшно!.. Вы ищете моего брата, а я его не помню, не помню, понимаете, я его не видела и не слышала, а если бы даже знала, где он, и если бы даже знала, что именно он... Я бы встала рядом... Я бы... – Натаван покачнулась, врач бросился к ней, удержал за плечи, усадил в кресло. Анна-Мари оставила на столе визитку.

– Надеюсь, – сказала она, – госпожа Гаджиева придет в себя и, подумав, правильно поймет нас. Международные организации, конечно же, выражают своё сочувствие и понимание, но...

– Я прошу вас покинуть кабинет, – довольно жестко перебил её доктор де Вард и добавил: – Ей надо успокоиться. Пожалуйста...

Вошла медсестра и, оголив Натаван руку, сделала внутривенный укол. Дыхание Натаван выровнялось, и она уснула. Медсестра и Шелдон покинули комнату.

– Она будет спать два часа, – сказал Патрик, глядя на Анну-Мари. – Для неё это очень важно...

– А для меня? – тихо спросила Анна-Мари.

– Анна-Мари, пожалуйста! – с трудом скрывая волнение, сказал Патрик. – Мы ведь всё решили...

– Да. Решили, – согласилась Анна-Мари. – Но разве наши решения сильнее нас?

– Я прошу тебя, – сказал Патрик и отошел к окну. – Не надо, пожалуйста...

Анна-Мари распахнула дверь и ушла...

Баку

Вот уже шестнадцать дней десятилетняя девочка Натаван Гаджиева была в коме...

...В ту холодную, страшную ночь её подобрали выжившие четырнадцатилетние мальчишки – её брат Фикрет и сосед Пярвиз.

Они были одноклассниками и друзьями. Фикрет был легко ранен. Наскоро перевязав рану, он помог поднять Натаван и положить её на спину Пярвизу. Они шли долго, более пяти часов, пока не встретили своих. Девочку повезли в больницу. Фикрет заявил врачам, что он от сестры не отойдет ни на шаг и будет постоянно рядом. Врачи и медсестры не возражали. Так осиротевшие дети остались при больнице...

... Фикрет держал руку Натаван в своей и постоянно с ней разговаривал – так посоветовала старшая медсестра. Строгая и неприступная внешне, она оказалась отзывчивым человеком. В первый же день искупала Натаван, одела её в чистое больничное белье, привезла в палату, переложила с каталки на кровать и, достав из

кармана халата расшитую узкую полоску материи, сначала едва слышно произнесла молитву, а затем положила эту повязку на глаза девочки. Ей было тяжело смотреть на изуродованные глазницы ребёнка.

– Не оставляй её, – сказала она, глянув на Фикрета. – Чтобы не случилось. И говори с ней. Она услышит...

И Фикрет разговаривал. Иногда его заменял Пярвиз – он умел придумывать разные истории, смешные и забавные...

...На семнадцатый день в сопровождении старшей медсестры и двух врачей в палату вошел главный врач больницы и сказал, что принято решение отключить Натаван Гаджиеву от систем жизнеобеспечения.

– Как отключить, – растерялся Фикрет. – Она умрет?

– Она умирает. Мы ничем не можем помочь, – сказал главный врач.

– Ты должен понять, – заметил один из врачей.

– Она умрет? – переспросил Фикрет, и голос его дрогнул.

– Я просил убрать их из палаты, – повысил голос главный врач. – Просил и повторил несколько раз...

Врачи и медсестры попытались увести Фикрета, но он оттолкнул их и закрыл свои телом Натаван.

– Нет! – закричал он, и голос его сорвался.

Он смотрел на них глазами, полными слез, и кричал:

– Нет! Нет! Я не отдам её! Не отдам! Слышите?! Она не умрет! Она не может умереть! Нет! Натаван! Натаван! Я прошу тебя, пожалуйста, очнись, не умирай! Натаван! Пожалуйста! Нет! Не трогайте её! Я не отдам её! Не отдам!..

– Доктор... – попыталась вмешаться старшая медсестра, но главный врач перебил.

– Замолчите сейчас же и уберите их отсюда! – закричал он.

В эту минуту всех остановил Пярвиз. Он неожиданно достал из-за спины пистолет и направил его на главврача.

– Уходите! Выйдите из палаты! – голос четырнадцатилетнего Пярвиза звучал спокойно и властно.

– Ты с ума сошел, сопляк! – почти спокойно произнес главврач. – Опусти пистолет!..

– Доктор! Доктор! – вытирая слезы, заговорил Фикрет. – Пожалуйста, не надо. Она моя сестра и у меня больше никого нет. Никого! Я заберу её домой, я сам буду смотреть за ней, сам. Я уже многое умею, я многому научился... Правда! Пожалуйста! Натаван! Натаван! Ты слышишь меня...Очнись, пожалуйста, прошу тебя! Я тебя умоляю!..

Он стоял над своей сестрой и плакал...

... Главврач и старшая медсестра увидели, как дернулась правая рука девочки, и зашевелились пальцы.

– Вы видели? – прошептала старшая медсестра.

– Тихо! Отойдите от неё. Слышите?! Отойдите!

Главврач шагнул к девочке, взял её руку, стал слушать пульс.

– Быстро, в реанимацию! – приказал он и обернулся к Пярвизу. – Да опусти ты свой дурацкий пистолет. Герой!..

... Так на семнадцатый день Натаван Гаджиева вышла из комы...

Баку

Получив хорошее образование, Фикрет стал профессиональным журналистом. Всю свою сознательную жизнь он жил одной-единственной мыслью – донести до людей правду о той трагической ночи, заставить мировую общественность услышать

голос истины и справедливости, добиться создания независимых комиссий, которые могли бы привлечь к ответственности и осудить палачей той февральской ночи. Убийцы всё ещё были на свободе, давали интервью, откровенно гордились своими преступлениями и красовались на экранах телевизоров.

Его жесткие и хлесткие статьи, посвященные трагической февральской ночи, его призывы арестовать палачей и судить их на той земле, где совершили они свои страшные, бесчеловечные преступления, вызывали у высокопоставленных европейских чиновников отторжение и неприязнь. Эти времена остались далеко позади, говорили они. Сейчас время сдержанных политических переговоров и взаимных уступок. Зачем ворошить прошлое и вскрывать почти зажившие раны, когда можно многие вопросы решить за круглым столом.

Нет, нет и нет, взывал к ним Фикрет и в очередной раз пытался добиться понимания и поддержки. Но понимания и поддержки не было. Он колесил по странам Европы, стучался в двери правозащитных организаций, писал и печатался, просил и требовал, но наталкивался на холодный приём и равнодушие. Он не отчаивался и не сдавался. Он продолжал писать и выступать. Его поведение, его прямота и искренность, его статьи и выступления начинали раздражать...

А Натаван, окончив школу в интернате для слабовидящих и слепых детей, поступила на филологический факультет университета. Именно тогда, студенткой первого курса, Натаван и начала писать стихи. Когда кто-то сказал ей, что стихи её очень печальные, она тихо произнесла:

– Я видела, как возносились души убитых и истерзанных, и слышала, как плачет Всевышний, омывая слезами их раны...

... Пярвиз тоже получил высшее образование, а затем уехал – куда и надолго ли, она не знала. Через несколько лет Натаван переехала в Ригу, к подруге по многолетней переписке. Подруга, тоже незрячая молодая женщина, была начинающей писательницей. Они мечтали вместе написать книгу. О чем вы мечтаете написать, – спросил Фикрет, знакомясь с подругой. О войне, – ответила она, – о жизни и смерти...

... Фикрет часто звонил сестре, но приезжал к ней редко...

Амстердам

Анна-Мари Вернер, Нейл Шелдон и Патрик де Вард сидели в просторном и светлом кабинете доктора. Они беседовали.

– Скажите, Патрик, – погасив в пепельнице окурочек, спросил Шелдон. – Почему из тысяч таких же больных, с такими же симптомами болезни, как у госпожи Гаджиевой, вы остановили свой выбор именно на ней? К вам обращаются многие, предлагают значительные суммы, и все они тоже надеются...

– У этих людей на глазах никого не насиловали, у них на глазах не убивали их родителей и им не прижигали зажженной сигаретой глаза, – ответил Патрик.

– Давайте без пафоса.

– Это не пафос, господин Шелдон, – спокойно возразил доктор де Вард, – а горькая правда. И ваши вопросы по меньшей мере бестактны и провокационны...

– Не нервничайте, Патрик, – вмешалась Анна-Мари. – Никто вас не провоцирует. Нейла заинтересовало то, что вы остановили свой выбор именно на ней, на женщине из Азербайджана.

– Вы видели часы, которые хранит госпожа Гаджиева? – спросил Патрик.

– Да, – ответил Шелдон. – Они были на руке её отца. Часы разбитые, не работают...

– Да, это так, господин Шелдон, – заметил Патрик, – но даже не работающие часы хотя бы раз в сутки показывают точное время...

– Дважды, – уточнил Шелдон.

– Согласен, – сказал Патрик и добавил: – Начало и конец...
– Почему вы нервничаете? – спросил Шелдон.
– Мне не нравится ваш тон, Нейл, – ответил де Вард.
– Что происходит, Нейл? – удивилась Анна-Мари.
– Вы не знаете того, что знаем мы, – ответил ей Шелдон. – Дело в том, что настоящее имя господина Патрика де Варда – Пярвиз Гасан оглу Исмаилов.
– Это правда? – удивилась Анна-Мари.
– Да, я азербайджанец, – спокойно подтвердил доктор Патрик де Вард. – И если вас, Нейл, как представителя Интерпола интересует, почему в Голландии я живу под фамилией Патрика де Варда, то могу объяснить.
– Не сочтите за труд, – сдержанно кивнул Шелдон.
– В Европе, в просвещенной Европе, всё еще с недоверием и подозрением относятся к людям с Востока. Они охотнее идут к своим врачам, а не к иностранцам. Вот и всё объяснение. А что касается Фикрета Гаджиева, то он мой друг детства. И этот ваш так называемый герой гарабахской войны, ослепив Натаван, девочку, которой не было и одиннадцати, стрелял и в нас. Он тогда ранил Фикрета, но мы смогли вернуться и спасти Натаван. Спасти, но не вернуть зрение. И Фикрет хочет только одного. Он хочет, чтобы международное сообщество провело честное и открытое расследование и осудило виновных в той кровавой ночи. Он хочет справедливого суда над этими людьми. Справедливого и открытого!
– Это не в нашей компетенции, – развёл руками Шелдон.
– А в чьей, Нейл, в чьей? – воскликнул Патрик. – И что происходит в мире? Убийцы откровенно гордятся тем, что в упор расстреливали беззащитных людей, и все молчат. Все! Вокруг равнодушие и молчание. Молчание и равнодушие.
– Патрик! – вмешалась Анна-Мари. – Наша комиссия для того и создана...
– Ваша комиссия сотрудничает с Интерполом, – перебил Патрик. – И пытается остановить человека, который хочет только одного – открытого суда над убийцами! Международного суда! А вы ищете его только для того, чтобы заткнуть ему рот и тем самым дать возможность убийцам женщин и детей спокойно разгуливать на свободе. Почему? Вы можете ответить мне на этот вопрос? Почему?
– Господин де Вард! Патрик! Сядьте и выслушайте, – сказал Шелдон, стараясь сохранять спокойствие. – Нам стало известно, что вашему другу звонят и посылают сообщения с угрозами. Хотят заставить его молчать.
– Он молчать не будет, – сказал Патрик.
– Мы тоже не сомневаемся в этом, – согласился Шелдон. – Именно поэтому наш специальный отдел занимается сейчас поиском источника информации. Вы это понимаете? Так что мы затыкать рот вашему другу не собирались...
– У вас есть возможность связаться с ним? – спросила Анна-Мари.
– Нет, – ответил Патрик. – Я не знаю, где он.
– По нашей информации, – сказал Шелдон, – у него запланирована встреча с представителями международной правозащитной организации в Лондоне.
– Когда? – спросил Патрик.
– Через два дня, – ответил Нейл.
– Значит, он собирается в Лондон, – заключил Патрик. – Как и откуда он будет добираться, не знаю...
– И мы не знаем, Патрик, – заметил Шелдон. – Мы пытались установить с ним контакт, но он этого не хочет и игнорирует все наши попытки выйти с ним на связь.
– Да, человек он не простой, – сказал Патрик.
– Мне бы очень хотелось познакомиться с вашим другом, – сказал Шелдон.
– Я думаю, вы еще с ним познакомитесь, – сказал Патрик.
– Не сомневаюсь, – заметил Шелдон. Он и Анна-Мари направились к выходу. – Надеюсь, доктор де Вард, – стоя в дверях, сказал Шелдон, – что мы с вами ещё встретимся.

– Мне бы не хотелось встречаться с вами как с пациентом, – парировал Патрик.
– Это искренне. Так что берегите себя...

Шелдон и Анна-Мари ушли. Патрик подошел к двери, словно хотел выйти следом, но вернулся к столу, поправил листы в папке, закрыл её и убрал в ящик стола. В это время в кабинет стремительно вошла Анна-Мари, также стремительно подошла к Патрику и поцеловала его в губы.

– Зеленоглазый ты мой, – прошептала она с нежностью, глядя ему в глаза. – Значит, я все эти годы любила азербайджанца, да?

– Да, – ответил он.

– Пяр-виз! – старательно произнесла Анна-Мари. – Правильно?

– Почти...

– Господи! Как же я люблю тебя! Люблю! – сказала она. – Я не могу забыть тебя. И не смогу. Никогда...

– Анна-Мари, пожалуйста, прошу тебя, – чуть отстраняясь, проговорил Патрик.

– Мы приняли решение...

– Разве ты не вспоминаешь меня? – спросила с горечью Анна-Мари.

– Вспоминаю, – признался Патрик. – Но счастье одних делает несчастными других. Понимаешь? Каждый день и час. Каждую минуту...

– Ты... – едва слышно произнесла Анна-Мари и отступила. – Ты сказал, что... Ты сказал...

– Анна-Мари, прошу тебя, пожалуйста, – сказал Патрик.

Анна-Мари протянула руку, коснулась его щеки, резко повернулась и покинула комнату...

В кружку стылую февраль

сыплет яд,

и земли замерзшей сталь

режет взгляд.

Амстердам

В кабинет доктора Патрика де Варда вошла медсестра, доложила:

– Госпожа Натаван Гаргюлю!

– Пусть войдет, – сказал доктор, поднялся из-за стола и шагнул навстречу вошедшей Натаван. – Здравствуйте, Натаван!

– Здравствуйте, доктор, – улыбнулась Натаван. – Я рада вас видеть!

– И я очень рад, поверьте!

– Верю, – продолжая улыбаться, сказала Натаван. – Позвольте...

Кончиками пальцев она коснулась галстука Патрика.

– У вас красивый галстук. Вам очень к лицу. Подарок жены?

Патрик удивленно вскинул брови.

– Вы читаете мысли, Натаван. Просто удивительно...

Натаван села в кресло, поправила шейный платок.

– Я хочу подарить вам сборник своих стихов. Это третья моя книга. Надеюсь, у вас будет время пролистать её?

– Можете не сомневаться. Послушайте, как звучат ваши стихи на английском. Я недавно прочитал их в поэтической колонке популярного журнала.

Февральский день скользнул с пера

Прощальной строчкой,

В слова мгновенья собирал,

Крик – в многоточья,

**Закат багряный отразив,
Реки затишье,
Весны волнующий призыв,
Чужие крыши,
Как небо сеет решетом
Крупницы света,
И сумасшествие кустов –
В катренах ветра,
И запах скошенной травы –
Всё тот же, свежий,
А у заброшенной стены
Расцвёл подснежник...**

– Это очень неожиданно, Патрик. Спасибо, – поблагодарила Натаван. – Но не это главное.

– Что же главное, Натаван? – спросил Патрик.

– Больше никаких сеансов не будет, – сказала она. – Это я хотела сказать вам.

– Почему? – удивился он.

– Надеюсь, вы правильно поймете меня, – произнесла Натаван и продолжила: – У каждого из нас своя жизнь, а значит, и своё прошлое. И это прошлое – в моей памяти. Лишаться прошлого, пусть страшного и мучительного, значит, лишиться памяти. Значит, забыть своих близких, забыть брата, забыть ту ночь, потом забыть вас. Но так не бывает. Я обязана помнить. Мы все обязаны помнить, и мы никогда не должны забывать... Не должны. Это наша память. Вы ведь понимаете меня, Патрик?

– Понимаю...

– И я хочу вернуться. Я просто соскучилась по дому, – объяснила она. – Спасибо вам!..

– Не за что, Натаван, – сказал Патрик и обернулся к вошедшей медсестре.

– Госпожа Вернер.

Вошла Анна-Мари.

– Извините, я без приглашения, – сказала она. – Но я должна была прийти.

Она села напротив Натаван.

– Вы хотите что-то сказать мне? – спросила Натаван.

– Я хочу передать вам фотографию, – сказала Анна-Мари, достала из папки небольшую черно-белую фотографию и положила её на стол. Натаван протянула руку и накрыла фотографию ладонью. После короткой паузы, она тихо произнесла:

– Я помню эту фотографию. Мне было тогда четыре года. Я сижу у мамы на коленях. Верно?..

– Да, – тихо подтвердила Анна-Мари.

– Как она попала к вам? – так же тихо спросила Натаван и добавила: – На ней, кажется, кровь...

– Мы обнаружили её в кармане пиджака вашего брата, – сказала Анна-Мари.

– Он жив? – едва слышно спросила Натаван.

– Я прошу вас, Натаван, – с трудом произнесла Вернер. – Пожалуйста, не волнуйтесь...

– Говорите, – едва слышно сказала Натаван.

– Произошла трагедия. Автомобильная катастрофа, – сказала Анна-Мари. – Тяжелый самосвал выехал на встречную полосу, и произошло лобовое столкновение. Обстоятельства происшедшего сейчас выясняются. Ваш брат погиб сразу...

– Где это произошло? – не слыша собственного голоса, спросила Натаван.

– На трассе. Ваш брат ехал на встречу в Лондоне, – ответила Анна-Мари.

– Понимаю, – произнесла Натаван. – Простите, но мне бы хотелось остаться одной.

– Да, да, конечно, – кивнула Вернер и поднялась. – Госпожа Гаджиева, простите меня, но порой надо быть сильнее не только смерти, но и самой жизни...

Она положила на стол свою визитную карточку и добавила:

– Если вам понадобится моя помощь, звоните мне в любое время...

Анна-Мари ушла. Натаван с трудом поднялась, подошла к окну.

– Пярвиз! – позвала она сорвавшимся голосом.

– Да, – отозвался он и подошел к ней.

– Это ведь ты, правда? – спросила она.

– Да.

Натаван заплакала. Тихо, почти неслышно.

– Его нет, слышишь? Его больше нет...

– Слышу, – сказал он и обнял её.

– Открой окно, – попросила она сквозь слезы. – Я не могу дышать. Я задыхаюсь, слышишь?

Патрик открыл окно.

– Пярвиз! Почему так? Почему? Как? Кто выехал? Какой самосвал? Я не понимаю, Пярвиз!..

– Натаван! Прошу тебя. Тебе нельзя нервничать, тебе нельзя...

– Это неправда. Неправда, Пярвиз! Я не верю! Не могу поверить...

– Натаван... Прошу тебя!

Он хотел ещё что-то сказать, но она перебила его:

– Нет! Нет! Нет! Я не верю, Господи, не верю!..

Натаван плакала. Они стояли у открытого окна.

Он погладил её по плечу.

– Я скоро вернусь, – сказал Патрик. – Оставайся в городе, пожалуйста. Слышишь?

Она кивнула. Патрик вышел из комнаты, и его шаги стихли в глубине коридора. Вошла медсестра, взяла Натаван под руку, сказала вежливо:

– Я провожу вас...

– Да, да, – тихо произнесла Натаван. – Спасибо!..

Они вышли в коридор, и медсестра плотно закрыла за собой дверь. Зимний вечер уже накрывал город. Ярко светились витрины магазинов. Зажигались и гасли разноцветные лампочки на деревьях. Гуляли люди. Медсестра и Натаван подошли к машине, неспеша сели в неё и уехали. Их машина сразу затерялась в плотном потоке других машин. Высоко в небе летел самолет и мигал сигнальными огнями...

